

ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА У ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ**

Обычаи и обряды детского цикла являлись механизмами социализации, посредством которых ребенок приобретал значимые для этноса национальные черты. Особенно актуальна тема воспитания детей в современном нестабильном обществе. На государственном уровне данной проблеме уделяется большое внимание, а 2008 год был объявлен годом семьи и семейных ценностей. Несомненно, глубокое знание национальных традиций воспитания, этого богатейшего духовного наследия татарского народа, дает возможность использовать и развивать их в условиях современного общества.

Ключевые слова: роды, пупочная бабушка (повитуха), святая, обет, заворачивание в саван.

Семья всегда очень высоко ценилась татарами, а вступление в брак считалось естественной необходимостью. По переписи 1897 г. среди населения Казанской губернии в возрасте 70 лет и старше никогда не состояли в браке лишь 3,6 % женщин и 1,7 % мужчин [1, с. 802]. Единственную цель создания семьи татары видели в детях. Отсутствие детей в семье считалось величайшим несчастьем для супругов, а первопричину бездетности в патриархальном обществе видели в женщине. Таким образом, дети были не только радостью для женщины-матери, но и почти единственной формой приобретения желаемого правоустанавливающего статуса в общине. Народная обрядовая практика как татар-мусульман, так и православных татар-крещен содержит множество обрядов – синкретический сплав мусульманских, православных и обрядов народной традиции татар, архаичных, по сути, средств, способствующих приумножению потомства [2]. Акт рождения воспринимался окружающими как первый шаг в группу, в социум. В надежде приобрести нового члена общество было благосклонно к матери и ребенку. Как у многих народов мира, у татар отношение к роженице сформировалось в этикет, который старательно соблюдали. Традиционно у татар роды проходили в доме. Роды (*тудыру*, или *бала табу* – дословно: найти ребенка), как правило, сопровождалась многочисленными религиозно-магическими действиями, которые должны были облегчить их течение и способствовать появлению здорового младенца. Известный этнограф XIX века А. Сухарев пишет: «Независимо от того, где пришлось рожать женщине, она рожала на полу, на соломе, этот обычай связан с культом матери-земли, богини плодородия, женской плодovitости [3, с. 41–46]. Роды в татарских деревнях принимала «кэндэк эби», (дословно: пупочная бабушка, повитуха). В каждой деревне имелась своя повитуха. Повитуха – заметное лицо деревенской общины, чаще это женщина пожилого возраста, которая сама имела детей. Услуги повитухи щедро, в меру состоятельности семьи, оплачивались,

* © Сайфутдинова Г.Б., 2010

Сайфутдинова Гузель Борисовна (guzelsai@mail.ru), кафедра истории, культурологии и архивного дела Казанского государственного энергетического университета, 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51.

** Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 09-01-29109а/В.

что было дополнительным источником существования, а принятый повитухой ребенок всю жизнь должен был заботиться о ней, не забывать по праздникам, а после смерти заказывать поминальные молитвы. Именно «кәндәк әби» не только принимала роды, но и выполняла необходимые, в понимании татар, процедуры над ребенком и роженицей, сопровождая их религиозно-магическими действиями.

Методы родовспоможения татар представляли собой сочетание как религиозно-магических, так и медико-гигиенических действий. К методам народной медицины можно отнести массаж поясницы, теплый компресс, при неправильном положении плода выправляли положение младенца в утробе. Для ускорения родов повитуха вваливала роженицу себе на спину (спина к спине) и носила ее по помещению, иногда стряхивая и заставляя тянуться. Точно так же поступала и башкирская повитуха [4, с. 26]. При тяжелых родах применяли различные религиозно-магические меры, например, просили помощь у предков: роженицу водили под руки по комнате и заставляли трижды ударить правой ногой о порог дома, дверной косяк. В фольклорном сознании порог, косяк сакральны, неприкосновенны в силу их отношения к древним формам погребения (под порогом дома). Такое «беспокойство» духов предков соотносилось с выпрашиванием помощи. Старались вызывать рвоту – просили жевать свои волосы. Татарок-мусульманок опрыскивали молитвенной водой. В емкость наливали воду и произносили над ней молитвы, затем давали воду роженице выпить, или же бумагу с написанной на ней молитвой сжигали, а пепел должна была съесть рожавшая. Иногда писали молитву на плоской посуде, обязательно новой, используя вместо чернил густую заварку, а затем смывали написанное водой, и женщина выпивала эту жидкость [2]. Тяжелые роды связывали с совершенным грехом, чаще всего, если не было очевидных проступков перед другими односельчанами, то согрешившей роженица считалась перед мужем. В этом случае к роженице звали мужа, и он должен был ее «простить». Если видели грех рожавшей перед кем-то другим, то обряд «снятия вины» в точности повторяли. В ряде случаев мать во время тяжелых родов просила прощения у всех в доме, даже у детей. Обряд «снятия вины» известен у многих народов мира.

Известный этнограф Р.А. Султангареева считает, что древние корни обряда связаны с групповым браком (полиандрия), т. е. многомужеством. Мужчина в этом обряде закрепляет за собой право отцовства [4, с. 25]. Подобные действия – «снятие вины или отпущение грехов» проводят и для человека, находящегося при смерти. Здесь существует параллель, так как о беременной женщине в народе говорят, что она одной ногой стоит в могиле. У татар есть пословица: «*Жән әйтәди – мин чигам, бала әйтәди – мин туам*» (дословно: «Душа говорит – я улетаю, ребенок говорит – я рождаюсь»). И этот обряд, думается, нес и вторичную функцию: женщину очищали на случай ее смерти во время родов. Женщина, умершая во время родов или до истечения сорокового дня после родов, считалась «*шәхит*» (святой) и, по народным представлениям, попадала в рай. Этот срок – сорокодневье – нес сакральный смысл. Пословица гласит: «*Кырык көн буе, кәбер ишеге ачык төрыр ди*» (дословно: «В течение сорока дней двери могилы будут открыты»). Отсюда в народе закрепилось твердое убеждение, что женщина, рожавшая семь и более раз, также становилась святой и после смерти обязательно попадала в рай [2]. Этнограф А.К. Байбурун полагает, что «подобным образом роженицу отдалают от мира людей вообще. Связи с людьми, даже самыми близкими, слабеют и нарушаются. Роженицу постепенно готовят к “смертному” состоянию» [5, с. 49]. Затянувшиеся роды приписывали вмешательству нечистой силы. Для защиты от нее использовали различные обереги: рядом с рожавшей клали нож или другие железные предметы, дольки чеснока, изречения из Корана. Чтобы роды прошли благополучно, давали различные обеты: «*нәзер*»,

о жертвоприношениях, о раздаче милостыни нуждающимся (чаще людям, страдающим психическими расстройствами: блаженным, незрячим или калекам). При мертворождении, по описанию К. Насыри, «повитуха до обрезания пуповины стучит по пустой сковородке. При этом, якобы к ребенку возвращается душа...» [6, с. 89]. Здесь повитуха, по мнению некоторых авторов, играет роль шамана, а сковородка – шаманский бубен. Сам обряд напоминает шаманское камлание, именно так шаман возвращает заблудшие души. У телеуток при трудных родах повитуха начинала создавать как можно больше шума внутри юрты, а снаружи отец ребенка стрелял из ружья [7, с. 130–131]. Подобные действия известны у удмуртов. Л.С. Христюбова пишет, что «при тяжелых родах били в печную заслонку, чтобы напугать духов, мешающих родам – чудесная вера в силу домашнего очага». У ногайцев у входа в помещение, где проходили роды, родственники производили «ужасный шум бряцанием молотков в пустом котле, чтобы прогнать от дитяти дьявола» [8, с. 65].

У татар супруг во время родов не присутствовал. А. Редько пишет: «Муж уходил из дома и не возвращался, пока женщина не перестанет быть “нечистой”» [9, с. 117]. Автор XIX века И.Г. Георги отмечает: «...После родов почитается жена “нечистой” и очищается после полного выздоровления молитвою и омовением» [10, с. 18]. Из-за своей «нечистоты» роженица была отстранена от работ по дому, связанных с приготовлением пищи: нельзя было печь хлеб, ходить за водой, доить корову. Если все же роженице приходилось заниматься домашними делами, то перед этим она принимала омовение и должна была носить с собой нож как оберег или другой металлический предмет (булавка, иголка и т. д.). В этой связи сложились определенные правила и для повитухи. У всех изучаемых групп татар вместе с роженицей она также считалась нечистой сразу после родов. Повитуха в течение десяти дней не ходила на прощальные бдения покойника и воздерживалась от принятия новых родов [2]. Этих правил придерживались как тюркоязычные, так и славянские, и кавказские народы [11, с. 40–50]. Смысл всех этих запретов объясняли по-разному. Так, Д. Фрезер рассматривал табу, налагаемое на женщину в родовой и постродовой период, как способность женщины заразить: «...Своей слабостью и немощью всякое существо или всякий предмет, к которому она прикоснулась. Поэтому пока не исчезнет воображаемая опасность, угрожающая с ее стороны, пока к ней не вернуться ее здоровье и сила, для нее устраивается своего рода карантин» [12, с. 51]. А.К. Байбурин полагает, что в этот срок женщина и ребенок считаются нечистыми, т. к. «находятся в том неопределенном состоянии (в том числе и пространственно – между своим и чужим), когда они наиболее уязвимы», и «карантин» в этом случае служит в интересах матери и ребенка» [5, с. 48–49]. Подтверждающие эти моменты положения можно найти в богатом обрядовом комплексе как у татар, так и других народов мира, направленном на сохранение жизни и здоровья матери и ребенка, а также предохраняющих их от воздействия злых сил и сглаза.

Сразу после родов совершались обязательные постродильные обряды, способствующие вхождению новорожденного в общину. Для роженицы и ребенка топили баню подряд три дня, купанием ребенка и роженицы занималась повитуха. В воду для ритуального купания клали соль, монеты (или золотые, серебряные кольца). Эти предметы являются символом богатства, достатка, здоровья и счастья. Повитуха во время купания гладила с нажимом головку ребенка, стараясь придать ей округлые формы, считалось красивым иметь круглую форму головы, ужимала нос ребенку, узкий нос был, по народным представлениям, более привлекательным, массажными движениями ровняла ноги новорожденного. Сходные действия зарегистрированы у многих тюркских народов [13]. Существовали определенные ритуалы в отношении последа и пуповины, захоронение последа и пуповины лежало в круге обязанностей

повитухи. После завершения родов послед, предварительно вымыв в чистой воде, повитуха заворачивала в тряпочку и закапывала под основанием дома или в подполье. Плаценту и пуповину ребенка, за чью жизнь особенно переживали, хранили очень бережно, плаценту хранили в засушенном виде, так как она оберегала от влияния злых сил. В отдельных случаях пуповину использовали как оберег в магических обрядах, способствующих жизнеустойчивости. Очевидно, что татарам была свойственна вера в симптоматическую связь плаценты и пуповины с телом человека. Будучи широко известна, эта связь у разных народов виделась как часть духа ребенка, находящегося в последе, другие считали послед младшим братом или сестрой ребенка, третьи рассматривали послед как предмет, в котором пребывал дух – покровитель ребенка или часть его души [12, с. 64–65]. Особенности обращения с последом в изучаемом массиве сходны с захоронением покойника. Так, заворачивание в тряпочку у татар называлось «кафэнләү», т. е. укутывание в саван, и традиция мыть послед схожа по обращению с покойником перед погребением. Татары-мишари надевали засушенную пуповину, зашитую в мешочек, ребенку на шею от сглаза, в засушенном виде хранили пуповину в сундуке [2]. Пуповиной лечили бесплодие: опускали высушенную пуповину в воду и давали выпить ее бездетной женщине [4, с. 25].

Обряды и обычаи родильного цикла татар продолжали сохраняться вплоть до 1950–1960-х гг., с развитием здравоохранения и повышением качества медицинского обслуживания они стали исчезать (появления сети роддомов, всеобщая вакцинация, потребление антибиотиков и т. д.). Однако знание национальных традиций этого богатейшего духовного наследия народа отражает особенности мышления и восприятие явлений окружающего мира на определенных стадиях развития культуры, что обеспечивает стабильность существования этноса.

Библиографический список

1. Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня: справочно-энциклопедическое изд-е. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2006.
2. Полевые материалы автора.
3. Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). СПб., 1904.
4. Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа / Ин-т ист., яз. и лит. Уфим. науч. центра РАН. Уфа: Гилем, 1998.
5. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-тематический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
6. Насыри К. Избранные произведения / пер. с татар. яз. Казань: Татарское кн. изд-во, 1977.
7. Алексеев Н.А. Ранние формы религий тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980.
8. Христоробова Л.С. Семейный обряд удмуртов (традиции и процессы становления). Ижевск, 1984.
9. Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // Этнографическое обозрение. М., 1989.
10. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обычаев, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. II.
11. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. М., 1991.
12. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1928. Вып. II.
13. Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни у таджиков долины Заравшана // СЭ. 1935. № 6.

G.B. Saifutdinova*

**TRADITIONS, WHICH ARE CONNECTED WITH CHILDBIRTH IN TATAR
FAMILY OF THE VOLGA REGION**

Customs and traditions of children's cycle were the society's mechanism, by means of which the child got important national features. The theme of the children's up-bringing in the contemporary unstable society is especially vital. The government pays great attention to this problem, and 2008 year was declared a year of a family and family values. There is no doubt that a deep knowledge of national traditions of up-bringing of young Tatar generation, gives a chance to use and develop them in the conditions of contemporary society.

Key words: childbirth, umbilical grandmother (midwife), holy, vow, wrapping in graveclothes.

* *Saifutdinova Guzel Borisovna* (guzelsai@mail.ru), the Dept. of History, Culturology and Archival Science, Kazan State Power Engineering University, Kazan, 420066, Russia.